

Виктор Глумов

[СТАЛКЕРЫ ПОНЕВОЛЕ]

ХРАНИТЕЛЬ
ЗОНЫ

Виктор Глумов
Хранитель Зоны
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Сталкеры поневоле», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691381
Виктор Глумов. Сталкеры поневоле. Хранитель Зоны: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084001-4*

Аннотация

Некоторые верят, что у Зоны есть Хранитель. Тем, кто живет по чести и совести, он помогает: защищает в битвах, замыливает взгляд врага, указывает кратчайший путь к цели, выводит к редким артефактам. Одни утверждают, что живет он в хижине в Танцующем лесу, другие – что в месте, которое все время меняется, третьи – что он повсюду и нигде, его, как любого духа, можно призвать, если знать имя.

Большинство вообще не верит в сказки. Но любой сталкер считает за честь обогреть безоружного путника, который просится к костру...

Вдруг это и есть Хранитель?

Содержание

Глава 1	5
Реальность. Артюхов	12
Глава 2	17
Игарт	17
Москва. Артюхов	27
Глава 3	33
Маузер	33
Игарт	39
Ольга. Москва	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виктор Глумов

Сталкеры поневоле. Хранитель Зоны

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Призраки прошлого

Солнце скатилось к горизонту, подсвечивая золотом темную щетинистую линию леса, над которой висели пузатые облака. Казалось, они настолько низко, что вот-вот зацепятся розовыми боками за сосновые верхушки. В теплом неподвижном воздухе переплелись запахи сосновой смолы, примятой травы и нагретой земли, отдающей тепло вместе с влагой. Звуки вязли в нем и делались гулкими. Вот перекликаются синицы, вот дятел стучит по дереву, вдалеке то ли стонет птица, то ли скулит щенок, в шуршащем камыше звенит ручей.

– Идиллия, твою мать, – проворчал Маузер, уставившись на экран КПК, где пульсировала красная точка аномалии. – В небе снуют вражеские беспилотники. Впереди – топка, сразу за ней, правее, странная аномалия, какой-то хищный волос.

Пейзаж контрастировал с окружающей действительностью. Вот так залюбуешься, потеряешь бдительность и поджаришься в аномалии. Или тебя засечет один из ястребов Фрайба, патрулирующий окрестности, придут черные и устроят допрос с пристрастием продолжительностью в сотни лет.

Когда Маузер отправлялся в Зону, он не воспринимал ее всерьез – игра есть игра. Теперь же, после обрыва связей, она зажила собственной жизнью, и Маузер начал к ней прислушиваться, считаться с опасностью.

– Топка – фигня, – махнул рукой Игарт, почесал под клювом огромного ворона, в такт шагов покачивающегося у него на плече. – Мучительно умрем, потом воскреснем, и все. Вот если волос до тебя дотронется, фиг от него избавишься. Будешь лохматым ходить, как Чубакка из «Звездных войн», пока не найдешь, чем его свести.

Маузер остановился, взъерошил волосы и проговорил, потирая подбородок:

– Думаю, не взять ли образец этого волоса для Фрайба. Артюхов, сволочь, сбежал... в другой мир. В тот наш мир, а нам тут мучиться с шизиком, повернутым на мировом господстве. Причем воевать с ним сотни, если не тысячи лет. Так пусть и он мучается, бреется денно и ночью.

– Кра, – поддержал ворон, Игарт сказал:

– Он и так страдает. Мы разрушили его гениальный план и дразним его, бродим неподалеку, а достать он нас не может, потому что непонятно, где мы. Сумерки нам на руку, если так разобраться. Кстати, как далеко мы ушли от логова Фрайба?

Маузер глянул на карту КПК:

– Три километра. Лес, охраняемый роботами, тоже позади. Но я бы не расслаблялся.

– Да, скоро стемнеет, а мы голы и босы, все оружие осталось у Фрайба. Ты молодец, что отдал читерский автомат нашим союзникам. И броник тоже, иначе достался бы врагу. Но нам от этого не легче, безоружными нас даже свиньи сожрут, так что надо искать место, где переночевать.

Маузер зевнул, потянувшись. Он хотел возразить, что ночь отличается от дня только тем, что видно хуже, никакие темные зловещие силы не подстерегают во мраке, но понял, что с удовольствием свалился бы и проспал часов...цать. Мысли, арестованные и запертые на задворках сознания, колотили в двери, но Маузер не обращал на них внимания. Слишком много всего. Если он задумается, что с Ольгой... Отвлечься!

– Кстати. – Игарт хлопнул себя по лбу. – У меня есть шапка-невидимка. Ну, типа того. Артефакт такой. Может пригодиться.

– И где она? – Маузер двинулся вдоль края леса по хрусткой хвое, замер и, приложив палец к губам, проговорил шепотом: – Тссс, впереди кто-то есть.

И додумал: «Вот сейчас бы твою шапку-невидимку». Треснула ветка под чьей-то ногой, затем – еще одна. Кто там может быть? Отправленный на перехват карательный отряд? Маузер облизнул губы и похлопал рукой по пустой кобуре. Черт, и застрелиться нечем, случись чего.

Воцарилась тишина, Маузер слышал лишь биение собственного сердца и дыхание Игарта за спиной. Вспомнились мародеры на железнодорожном депо. Если даже у них есть инфракрасные датчики, то у черных сталкеров Фрайба – тем более. Раз они до сих пор не напали, значит, это не враги, а зверье.

В ответ из кустов донеслось басовитое хрюканье. Игарт вздохнул с облегчением:

– Чертяка, напугал.

Маузер обернулся: напарник столкнул ворона с плеча, и он полетел вперед.

– Так надежнее, будем знать, что впереди, только придется останавливаться, чтоб посмотреть его глазами.

– Ничего. Давай торопиться, время работает против нас.

Как только он это сказал, в кустах завоились, раздвинулись ветви, заколыхалась высокая трава, и появился поросенок – мелкий, с небольшую дворнягу, с двумя бурыми полосками вдоль спины. Обычный такой поросенок.

– Упс, – воскликнул Игарт. – К нам пришла еда...

Поросенок поднял голову, на миг впал в ступор, заверещал и рванул обратно. Мать-свинья захрюкала возмущенно, затрещала ветками – поспешила спасти чадо.

– Это мы – еда, – крикнул Маузер. – Бежим!

Он ломанулся назад, там точно нет аномалий, и неся, перепрыгивая кочки, как бегун, преодолевающий препятствия. Игарт, слава богу, рванул следом. Маузер на бегу обернулся: он летел с выпученными глазами, а из кустов скорее с ревом, чем с визгом, пёрла рассерженная свиноматка.

Пришла четкая мысль: «Ржать будем потом». Побивая рекорды, преодолели поляну и вскарабкались – Маузер на одну сосну, Игарт – на другую. Свиномать похрюкала внизу, вызывая на честный бой, и удалилась восвояси. Отдышавшись, Маузер слез на землю, поправил рубаху и сказал:

– Я охотник, и знаю, что такое рассерженный кабан. Был у нас случай, секач побежал на загонщика, а у того патрон в стволе заклинило... Короче, потом долго запчасти парня по поляне собирали, земля ему пухом. И еще, кабаны – стадные. Где самка, там и секач.

– Что-то такое осталось в памяти Артюхова, – проговорил Игарт, вытирая пот.

Маузер покосился на кусты, где скрылась свинья, достал из подсумка КПК и продолжил:

– Как ни смешно, но кабан – опаснейшая тварь. Развивает скорость до сорока километров в час, прыгает на четыре метра. В длину, конечно. Можешь себе это представить?

Говоря, он еще раз проложил маршрут из черной области (они были на ее границе) к лакокрасочному заводу. Чтобы сбить Фрайба со следа, сначала решили топтать в Македонск, а уже оттуда – на базу. Хотелось верить, что Фрайб отозвал своих людей и мутантов, когда понял, что враг решил ударить в самое сердце области.

Облака напитались багрянцем, словно крови хлебнули. Тени слились, стволы деревьев сделались почти черными. Маузер крался на цыпочках первым, замирая от каждого шороха. Слежки с воздуха он больше не опасался – здесь их скрывали сосновые ветви, соединившиеся над головой, будто в дружеском рукопожатии.

Напряжение звенело бесконечной стаей комаров. Игарт вернул ворона на плечо – во-первых, с наступлением сумерек птица начала терять зрение, во-вторых, сверху он видел лишь темно-зеленый ковер.

Обогнули болото с ультрамариновой, под цвет закатного неба, водой, у берегов затянутое ряской. Маузер зацепился взглядом за алый листок на водной глади, подогнувший края, как дохлое насекомое – лапки, и зашагал было дальше, но тут же насторожился: издалека, стремительно нарастая, доносился до боли знакомый механический свист, перетекающий в гул.

Звук был настолько ирреальным, что Маузер остолбенел, и его сердце пропустило несколько ударов. Аномалии, уроды, мутанты, непонятные воскрешения, все это – здешняя норма, но гул...

Вытаращив глаза, он смотрел, как синюю поверхность болота пересекает отраженная точка самолета, тянущая за собой белый след. Он запрокинул голову: точка сияла золотом закатного солнца. Игарт выматерился. Ругательства, произнесенные торжественно, казались такими же нелепыми, как самолет.

– Подозреваю, что это вижу не один я, – пробормотал Маузер.

Игарт сиял от радости, его ярко-зеленые глаза горели. «Вот тебе и фонарь, – подумал Маузер, стараясь выбросить из головы самолет. – Зона есть Зона. Это мир скорее магический, чем техногенный, она может играть с памятью, как Солярис». Игарт, похоже, так не считал – тыкал пальцем в небо:

– Ты понимаешь, да? Выход... в Большой мир... Открыт! Мы теперь свободны!

– Я бы не был так уверен. – Маузер протянул ему КПК: – Вырубился. Как я понимаю, эта дрянь должна все время работать и возвращаться к нам после смерти.

Взгляд Игарта потух, уголки рта опустились, и он сделался похожим на Пьеро. Постучал КПК по ладони, потыкал кнопки, вытащил свой и вздохнул:

– Блин, значит, мы в аномалии, и можем бродить бесконечно, пока не помрем с голоду. Один... бот рассказывал, что такое случается. Одно радует: Фрайб нас ни за что не найдет в этом пространственно-временном пузыре.

– Короче говоря. – Маузер сунул КПК в карман. – Ищем пустую хижину, берлогу, пещеру – все равно. И спим.

– Да вот и я подумываю... Но желательно бы поторопиться на завод, а то о нас там забудут и назначат новых командиров.

– Не успеют. Сначала – спать, – распорядился Маузер и собрался идти вперед, но остановился.

Датчик аномалий сдох, и теперь шагать в смертельное, неизвестное, было стремновато. Вспомнился совет кидать что-нибудь перед собой, тогда, если на пути есть аномалия, она разрядится. Он зачерпнул горсть гравия, взял камешек покрупнее, бросил вперед.

– Вроде, мутантов в пространственных пузырях не бывает, – успокоил Игарт. – И других аномалий – тоже.

Проверять на собственной шкуре не хотелось, и Маузер уступил дорогу Игарту:

– Иди вперед, раз так уверен.

Напарник потоптался на месте. Сделал пару шагов и покрутил головой по сторонам. Вынул из кармана камень и швырнул. Камень шлепнулся в воду.

Маузер шел за Игартом, ссутулившись, и всеми силами пытался отогнать мысли, кружащие возле увиденного самолета. Самолет – порождение аномалии, призрак, не стоит верить в него. Нельзя даже мысли допускать, что открыт путь домой, потому что, когда выяснится, что это не так, вряд ли захочется жить дальше.

Испарения, поднимающиеся от прогретой земли, были такими плотными, что ухудшилась видимость, и Маузер вспоминал боевики, где герои шастают по влажным тропическим лесам. Пейзаж был, правда, вполне привычный, но ощущение не исчезало.

Выбрались на узкую длинную поляну, присыпанную хвоей и листьями, увидели поваленный указатель в придорожном бурьяне и только тогда сообразили, что это дорога, которой не пользуются.

– Гадюкино, – прочитал Игарт, склонившись над указателем, скovyрнул хвою и бросил налево. – Смотри, тут поворот. Идем? Мое мнение – настораживает, что нет тропинки. Там может быть небезопасно. В брошенных поселках любят селиться бандерлоги, они меня замочили в самый первый раз. И съели, но я этого уже не помнил.

– Тропинки нет, потому что тут территория черных. Даже мутанты от них разбежались. Будем надеяться, что найдем более-менее целый дом. Идем. Не бойсь, беру ответственность на себя.

Ворон вспорхнул с плеча Игарта и полетел вперед под темно-зеленой аркой деревьев.

– Подожди, разведаяю, – проговорил Игарт голосом сомнамбулы, сомкнул пальцы на плече Маузера.

Перемещаясь в тело ворона, он бледнел и уподоблялся смертельно больному. Под закрытыми веками катались глазные яблоки, тонкие губы подрагивали, на лбу и возле трепещущих ноздрей выступала испарина. В такие минуты он полностью терял контроль над телом и становился беспомощным.

Не прошло и десяти минут, как Игарт вернулся – вздрогнул, кровь прилила к щекам. Он потряс головой и протер глаза.

– Относительно чисто. Бандерлогов, вроде, нет. С другого конца деревни – хищная лиана. Там есть хороший домик, он как бы с краю, ближе к нам. Окна-двери заколочены. В нем и заночуем.

Вернулся ворон, спикировал на протянутую руку и взобрался Игарту на плечо.

– Кстати, аномалий на дороге нет, птица их заметила бы. Да-да, она их видит. Зверье и мутанты, наверное, тоже.

Небо сменило цвет с темно-синего на серый, стволы деревьев слились в сплошное черное пятно. Опавшая хвоя под ногами мягко пружинила. Лес закончился, будто его отсекли от поля, поросшего бурьяном и кустарником. На другом его конце, перечеркнутом полосой дороги, на фоне неба угадывались темные крыши частных домов.

Поле преодолели бегом – Маузер по привычке остерегался открытых пространств. На полдороги он услышал голоса и замер, прищурился и разглядел дымок над трубой ближайшего дома, попятился.

– Это, по-твоему – «в деревне безопасно»? – прошипел он.

Игарт вытаращился на него и заморгал, глянул на дом:

– Там никого не было, клянусь! Ворон чуть ли не в окна заглядывал – никого, черт побери...

– Тссс! Пойдем, посмотрим. Или хотя бы послушаем.

Говорил мужчина. Похоже, сам с собой. Его голос то усиливался, и тогда долетали отдельные слова, то стихал до едва различимого шепота. Маузер еще раз провел рукой по пустой кобуре, поджал губы и на цыпочках двинулся к дому. Переступил через гнилую кучу досок – все, что осталось от забора, – прислушался:

– ...я ему, значит, говорю, чтоб прекратили безобразие, а он только лыбится, гадостно лыбится, говорит, что-де параша чистить будешь, петушара. Ну, сама понимаешь, сержанту стучать беспонт, тогда ваще торба. Ну, они, это, подкараулили меня ночью, ну и... – голос стих, зашелестел едва слышно, а потом невидимый парень вскрикнул: – Ты не смотри так, ничего такого не было, просто... Просто бессилие, понимаешь? Меня в школе никто никогда не чмырил, и родители не били, а тут... Да они же обезьяны тупые, быдло! Да я землю очистил от мерзости! И – под трибунал...

Маузер сглотнул. Дезертир! Точно не житель этого мира – они не знают ничего ни про сержантов, ни про школу. Самолет, теперь дезертир – неужели, и правда, каким-то удивительным способом открылись ворота в нормальный мир? Почему бы и нет? Случилось столько невероятных вещей, одной больше, одной меньше...

Из щелей между досками заколоченных окон лился трепещущий свет костра. Маузер обогнул дом, остановился у порога и уставился на ржавую дверь с огромным замком, накрытым половиной пластиковой бутылки. Неужели дезертир влез через окно с другой стороны дома? Маузер шагнул в крапиву, поднял руки повыше, чтоб не ожечься, обошел хижину: нет, и тут окна заколочены. Значит, дезертир проник в дом с торца. Но и там к оконной раме были прибиты три хлипкие доски.

Тогда Маузер вернулся туда, где свет, встал на цыпочки, глянул в комнату. На бетонном полу сидел, сжимая коленями автомат, белобрысый курносый паренек в камуфляжной форме, его огромные уши алели ломтиками помидоров. Напротив него привалилась к стене связанная девушка, темноволосая, лет двадцати, в джинсах и полосатом сине-розово-оранжевом свитере. Теперь Маузер догадался, почему парню никто не отвечал: он заклеил девушке рот скотчем. В середине комнаты трещал костер, дым вытягивало в дымоход над развалившейся печью.

Знакомая ситуация: дезертировал и взял заложника. Зеленый и трусливый, таким оружием вообще нельзя выдавать, потому автомат следует экспроприировать.

Маузером настолько овладела эйфория, что он уже не задумывался, каким способом парень и заложница проникли в дом. Наверное, туда есть подземный ход.

Все так же, на цыпочках, он вернулся. Игарт, усевшийся на сухую траву, встал и спросил:

– Что там?

– Дезертир из Большого мира. – Маузер улыбнулся от уха и до уха, потер ладони. – С заложником. У него есть автомат, мне подумалось, что нам оружие нужней. Один я вряд ли его обезоружу, а вот мы вместе – запросто.

Игарт задумался:

– Не нравится мне все это. Понимаешь, несколько минут назад дом был пуст! Я два круга вокруг нарезал, убедился, что никого, и только тогда... – он помотал головой. – Напоминает ловлю на живца.

Маузер не слышал предостережений, его трясло от возбуждения. Хотелось жрать виски и орать дурные песни во всю глотку. Подумать только – он потерял и жизнь, и любимую женщину, попал в ад, где обречен был блуждать вечно, – и оказалось, что есть мост, соединяющий миры! Маузер уже мысленно обнимал Ольгу ипил горький горячий кофе, по которому так соскучился.

– Наихудшее, что с нами случится – мы умрем, – прошептал он. – Но без автомата мы умрем... Больше количество раз.

Игарт с тоской посмотрел на заколоченное окно дома. Его тревога передалась Маузеру и пригасила пыл: с неизвестным небезопасно иметь дело. Когда от кабана улепетьешься, ясно хоть, что свинья тебя или порвет, или затопчет, здесь же...

– Что мне делать? – без энтузиазма поинтересовался Игарт.

– В комнате, где дезертир, два окна: одно это, второе – со стороны входной двери. План предельно прост: ты отвлекаешь пацана, стучишь в окно, я тем временем выбиваю второе и отнимаю автомат. Или наоборот?

– Слишком все просто. – Игарт протянул руку к кусту сирени – ворон перебрался на тонкие ветви, согнувшиеся под тяжестью его тела. – Ну да ладно. Ты прав, максимум, мы умрем. В первый раз, что ли?

И снова рука скользнула по пустой кобуре.

Двигались бесшумно, как тени. Дезертир вещал возмущенным голосом:

– Ты меня осуждаешь? Конечно, как же еще. На самом деле не стоит – я не желаю тебе зла. Но уж так получилось, потерпи. Надеюсь, не придется пускать тебе пулю в лоб.

Под «берцем» Игарта хрустнула ветка. Маузер зашипел, Игарт втянул голову в плечи и на цыпочках, пригнувшись, побежал к окну. Маузер метнулся в крапиву, снова зашипел, ожегшись.

– Кто здесь? – заорал дезертир.

«Мяу», – мысленно ответил Маузер, наблюдая, как заколоченное окно закрывает черная тень. В крапиве он пробрался к двери, встал на порог и посмотрел в щель между досками заколоченного окна: дезертир выглядывал на улицу, силясь различить врага в темноте. Идиот! Если бы работал снайпер, его давно сняли бы. Слава придуркам, потому что благодаря одному представителю их племени почти удалось добыть автомат. Маузер высунулся из-за стены и помахал Игарту – действуй, мол.

– Молодые люди, пустите к огоньку, – прогнусил напарник, имитируя старушечий голос.

Дезертир от страха чуть автомат не выронил, прижался к стене.

– Открывай, собака, это мой дом! – повторил Игарт и ударил в трухлявые доски.

Маузер приготовился к атаке, мысленно начал отсчет: три, два, один... пошел!

Подтянуться. Подпрыгнуть. Выбить доски локтем. Перекатиться через подоконник. Метнуться в сторону, туда, где девушка. Он действовал на автомате и не сразу сообразил, что уж слишком в комнате темно. Рванул к смутной тени, повалил врага.

– Идиот, это я! – прохрипел Игарт.

Маузер разомкнул захват. Игарт поднялся и включил фонарь на КПК. Голубой луч пополз по стене с отслоившимися обоями, скользнул по трубе печки, переместился ниже, выхватил вывалившиеся из кладки кирпичи, задержался в центре комнаты. Там, где должно быть кострище, чернел зев подвала.

По спине побежали мурашки. Маузер привалился спиной к стенке и проговорил:

– Ни черта не понимаю.

– Фантомы, – ответил Игарт и хлопнул носом. – Блин, снова ты меня приложил. Нос-то сломан.

Запрокинув голову, Маузер сполз по стене, сел на корточки, закрыл глаза. По ту сторону сомкнутых век синюю гладь его надежд перечеркивал белый хвост фантомного самолета.

Игарт посветил в подвал, ненадолго задержал синеватое пятно света на откинутах железном люке, направил за окно.

– Зато нам есть где ночевать, – проговорил Игарт. – Надеюсь, Фрайб не станет нас тут искать и никто не выскочит из подвала.

Маузер заставил себя подняться, достал КПК, включил. Экран засветился зеленоватым. Когда загрузилась карта, выяснилось, что деревня Гадюкино находится на территории македонцев.

В подвал долго не решались заходить. Вдруг там прячется существо, создавшее иллюзию? Топтались у лестницы наподобие пожарной. Маузер свесился в люк, осветил помещение: голые стены, тряпки, у стены – два темных силуэта в плащах. Голов у них, вроде, нет, сами тощие, лепятся к стене.

– Черт, – выругался он, вскакивая. – Там что-то есть. То ли мутант, то ли одежда, непонятно.

Выудив горсть гравия, он свесился в подвал еще раз, запустил в предполагаемого монстра гравием и шархнул к крышке люка, чтобы захлопнуть ее, если тварь вдруг озверевает и нападет. Камешки чиркнули по брезенту и с легким стуком осыпались на пол. Маузер

осмотрел комнату, поднял кирпич и уже без опасения швырнул в силуэты. Кирпич глухо ударился в стену.

– Одежда.

Наконец Игарт решил, медленно спустился по железной лестнице, завозился внизу. Никто его пожирать не стал. Тогда Маузер ухватился за бетонный край и прыгнул.

Валявшейся под ногами веревкой Игарт примотал к лампочке КПК с фонарем.

В подвале было пусто. Под стеной справа угадывалась куча трухлявых ящиков, воняющая сыростью и гнилой картошкой, слева на гвозде висело два прорезиненных плаща. Игарт молча взял один из них, расстелил на сырой земле и свернулся калачиком.

– Выключи свет, пожалуйста.

Маузер снял второй плащ, поднялся, захлопнул люк, закрыл его на щеколду и выполнил просьбу. Во тьме он двинулся к стене, ощупывая пол ногой. Лег на плащ и невольно поджал ноги. Сыро, зябко. Так недолго и до простатита...

– Инстинкт самосохранения нам никто не отключил, – поделился он наблюдением. – Значит, умирать нам будет всегда страшно, сколько бы раз нас ни мочили.

– Угу, – буркнул Игарт. Маузер продолжил:

– Интересно, откуда взялся дезертир? Или все-таки наслоение было?

– Черт его знает, – устало проговорил Игарт. – Мне кажется, Зона начала развиваться, и пустоты она заполняет тем, что берет из наших голов. Отсюда и самолет, и парень с автоматом... Вот только одно меня и смущает, и вселяет надежду: никто из обитателей Зоны не помнит прошлое. В памяти Артюхова нет дезертиров. Не твои ли это воспоминания?

Маузер задумался, но ничего похожего не вспомнил.

– Без понятия. Человеческая память – вещь странная. Там много всякого валяется, но достать получается не все.

– Знаешь что? Давай спать. Ну, хотя бы попытаемся.

Маузер молча перевернулся на спину и устался в темноту. Сомкнул веки, разомкнул – никакой разницы. Бездна.

Интересно, сколько времени прошло в реальности? И как там Ольга?

Очень хотелось верить, что с ней все хорошо, но душу точили сомнения и не давали уснуть.

Реальность. Артюхов

Игнату тогда было десять лет. Друг Пашка рассказал, что если сбросить кота с пятого этажа, с ним ничего не случится, Игнат не поверил, и Пашка решил доказать свою правоту опытным путем. Для этого требовался кот, одна штука.

Подопытным экземпляром выбрали сизую кошку Кашку, которая жила во дворе и перебывалась объедками уже второй год. Зимовала она, забившись между трубами с горячей водой, и доверяла всем, от кого могла перепасть корка хлеба.

Чтобы привлечь Кашку, Павел спер из дома сосиску, раскрошил возле сирени, за которой трубы, и принялся звать. Игнат и Олежка, местный дебиловатый отморозок, топтались поодаль, дурачок ковырял в носу.

Кошка ответила радостным мявом и выскочила из кустов пушистой серой молнией, бросилась жадно поглощать лакомство. Пашка спикировал на нее, сграбастал и усадил за пазуху. Кошка замурчала.

Олежку Игнат опасался, но он был нужен, потому что жил на пятом этаже. Озираясь, поднялись по ступенькам. Олег отпер дверь, и в лицо будто дохнул бродяга – воняло кислятиной, перегаром и куревом.

Кашка за пазухой Павла урчала маленьким трактором. Игнат втянул голову в плечи, ему казалось, что он не в квартире, а на стойбище первобытных людей. Звякнув, покатила по полу опрокинутая Пашкой бутылка.

Олег уже орудовал шпингалетами на балконе, хрипло матерясь. Когда Пашка с Игнатом пришли, окно уже было открыто, Олег свешивался вниз.

– П

ец ей, – он припечатал к подоконнику сигаретную пачку. – Ставлю три рубаса, что сдохнет.

Пашка мотнул головой, почесал веснушчатый нос:

– Не-а. Три рубля, что не сдохнет.

Кашка прыгнула на пол – лохматый дымчатый шар – чихнула. Пашка взял ее на руки и протянул Игнату, отошел от окна:

– Бросать будешь ты.

– А почему я? – возмутился он.

Олежка ринулся на него, сжимая кулаки:

– Давай, сука, а то я тебя сброшу. Баба!

Игнат, держа кошку на вытянутых руках, выглянул из окна: внизу была клумба – красные головки тюльпанов и желтые – одуванчиков утопали в высокой траве, чуть поодаль пылился бежевый «запорожец» со спущенными колесами. По идее, трава должна смягчить удар...

– Не думал, что ты такой трус, – проговорил Пашка, отряхивая от шерсти куртку и пионерский галстук. – Весь испачкался... Ааа, и брюки тоже. Мамка прибьет.

Олег наступал, грудью уперся Игнату в лицо, схватил его под ребра и усадил на подоконник, счастливо улыбаясь. Толкнул его, придержал и сказал ласково:

– Бросай, ссыкунишко.

Сердце Игната ушло в пятки. Жалеть, что связался с дрянными пацанами, было поздно. Они все равно сбросят кошку, да еще и его отметелят. Пашка говорит, Кашка выживет, значит, выживет. Главное, чтоб никто не видел, что он над животным издевается, а то расскажут маме, потом стыда не оберешься.

Но руки разжиматься отказывались. Висящая над пропастью Кашка возмущенно возопила, царапнула когтями по запястью. Игнат зажмурился и отпустил ее. Она придушенно квакнула, донесся приглушенный хлопок.

Не открывая глаз, он спрыгнул с подоконника, отошел в комнату с черным прокуренным потолком и только там разлепил веки.

Пашка и Олег свесились с балкона, было видно только два зада – упитанный, обтянутый новыми школьными брюками, Пашкин, и тощий, с кривыми латками на выцветших трениках. Приятели молчали, кошка орала благим матом, будто с нее живьем сдирали кожу. Смотреть, что с ней, у Игната не хватило смелости.

– Сдохнет! – радостно заявил Олег. – Зырь, как ее корячит. Гони бабки.

– Нечестно! Она беременная, а надо здорового кота! – возмутился Пашка.

– А если в рыло? Ваще страх потерял?

– Ладно, давай подождем.

Игнат попятился в прихожую и выскользнул на лестничную клетку. Майка прилипла к спине, сердце колотилось молотом о наковальню. Чтобы попасть домой, Игнату надо было пройти мимо Кашки, которая если не мертва, то сильно покалечена. Наверное, котята в ее животе полопались, как шарики, и она точно сдохнет. Он пошел в обход. Дома попытался изгнать из головы ранящие мысли, но они возвращались снова и снова. Он – убил живое существо. Он – убийца.

К вечеру у него поднялась температура, и начался насморк – то ли совпадение, и он просто простыл, то ли от нервов. Всю неделю, пока он болел, ему снилась Кашка. Она приползала на сломанных лапах, с раздробленным черепом, с переломанным позвоночником, приходила, путаясь в кишках, приносила разложившихся котят.

С замирающим сердцем Игнат пришел на место преступления, но труп Кашки не нашел – то ли дворник его убрал, то ли все-таки она выжила. Но на трубах, что за кустом сирени, она больше не появлялась. С Пашкой он после этого больше не разговаривал, даже смотреть на него не мог.

За свою жизнь Артюхов делал много страшных вещей, но воспоминания детства все равно были самыми пугающими.

Теперь, сидя на больничной кушетке, он заново все это переживал. Игарт, побывавший в его сознании, будто отпечатался там, будто содрал с совести броню, которую Артюхов наращивал год за годом. Сейчас ему предстояло заглянуть в глаза жене Маузера, и он готов был под землю провалиться. Ведь он подставил ее мужа, отчасти по его вине Ольгу взяли в заложники. Другого выхода не было, но оголодавшая совесть, проснувшаяся после многих лет летаргии, плотоядно клацала зубами.

Вокруг больницы кружили журналисты, хотели узнать, где же пропал олигарх все это время. В офис «Сигмы» и «Парадиза» со дня на день заявятся менты, Котов наверняка попытается переложить ответственность на генерального директора, и надо срочно заматать следы, но он не в силах об этом думать. В мыслях – Ольга и больше ничего.

Ольгу накачали успокоительным, и она спала в палате, а он дежурил под дверью, спрятавшись ото всех и в первую очередь – от самого себя.

Мимо пробежала постовая сестра с капельницей, посмотрела с интересом, прошествовала в конец коридора, юркнула за дверь, откуда доносились стоны. Стоны усилились, потом стихли. Возвращалась сестра уже без штатива, задержалась напротив Артюхова, открыла рот, но он сказал:

– Мне надо быть здесь. Домой я не поеду.

– Как знаете, – пожала плечами она и зашагала к столу, что в середине коридора, обернулась: – Она проспит до обеда, и вам не помешало бы.

– Помешало бы, – его тон заставил девушку замолчать и больше не настаивать.

Видимо, покинуть пост и при свидетелях заночевать в ординаторской ей не позволяла совесть, вот она и пыталась его спровадить. Артюхов спать не хотел, его тело дрыхло пять дней, пока разум метался в виртуальной Зоне. Интересно, она отпочковалась как отдельная реальность или погибла? О втором думать не хотелось.

Над головой тикали огромные больничные часы. Медсестра клевала носом над глянцевым журналом, ее лицо, подсвеченное синеватой настольной лампой, казалось потусторонним.

И вдруг скрипнула, приоткрываясь, дверь в палату. Ольга высунула голову и с трудом сфокусировала взгляд на Артюхове. Держась за стеночку, кое-как вышла и рухнула на кушетку рядом с ним. Медсестра тотчас проснулась, вскочила, прибежала и нависла над ней:

– Девушка, вернитесь, пожалуйста, в палату.

– Со мной все хорошо, – проговорила Ольга пьяным голосом и мотнула головой.

От мощного снотворного она все еще «плыла».

Медсестра уперла руки в боки:

– Сейчас я позову врача...

– Да хоть санитаров! – Артюхов встал, возвысился над ней. – Хоть расстрельную команду! Девушке надо знать правду, так что оставьте нас, пожалуйста. Все будет хорошо, ее здоровью ничего не угрожает.

Медсестра всплеснула руками и удалилась на пост.

– Спасибо. – Оля спрятала лицо в ладонях, закрывшись русыми волосами, словно ширмой. Большой палец левой руки был в лонгете, ладонь плотно забинтована.

Врач говорил, что верхняя часть фаланги болталась на связках, Котову так и не удалось до конца ее отрезать, вернуть ее на место получится, но палец вряд ли будет сгибаться. Бьющуюся в истерике женщину накачали снотворным и отвезли в травматологию.

Пока не потеряла сознание, она постоянно спрашивала, где ее муж. Не об отрезанном пальце думала, не о том, что могла умереть, – о Маузере. Что она в нем нашла? Хорошенькая ведь женщина, даже, скорее, девушка: тонкая, но фигуристая, длинноногая, в лице есть что-то эльфийское – то ли ярко-синие раскосые глаза, то ли тонкий, будто выточенный из мрамора, нос и кукольный подбородок с едва заметной ямочкой. Она не красилась, и в русых волосах виднелась едва заметная седина.

– Что с ним? Где он... Игорь? Ты знаешь? – она подняла голову и посмотрела на Артюхова ошалелыми глазами. – Ты знаешь, – кивнула она и схватила его за руку.

И что делать? Рассказать ей правду или тешить надеждой? Если рассказывать, то с чего начинать? Да и поверит ли она?

– Меня зовут Игнат Артюхов, – начал он, но Ольга его прервала:

– Знаю. Игоря наняла ваша жена, чтоб он вас нашел... Нашел, как вижу. Но где... он сам? И почему у меня провалы в памяти?

Игнат помассировал виски, запрокинул голову. «А вы знаете, Ольга, что ваш муж, скорее всего, умер в этом мире. Зато в параллельном, созданном мной и навсегда запечатанном, он жив. Мало того, он там бессмертен, так что не расстраивайтесь».

– Что же вы молчите? – Ольга притянула его руку к себе. – Он... жив?

– В некотором смысле, – пробурчал Артюхов, освобождаясь. – Но, может, и нет.

Ольга отшатнулась. И тут Артюхова осенило. Не обязательно рассказывать фантастическую составляющую правды.

– Успокойтесь, пожалуйста, – проговорил он мягко. – Этого нельзя сказать наверняка. Маузер вытащил меня из очень нехорошего места, так что теперь я его должник, и потому здесь. Не перебивайте, дослушайте. В моей клинике втайне от меня проводились эксперименты над людьми, я сам стал жертвой такого эксперимента. Маузер все это разузнал, и он

теперь... Не исключено, что он просто спит, жизнедеятельность организма поддерживают приборы, а его разум заперт в другом месте.

Ольга вскочила, пошатнулась и села, обессилив.

– Тише, пожалуйста, – продолжил Артюхов, на ходу и импровизируя и разрабатывая план действий. – Надо поговорить с садистом, который пытался отрезать вам палец, с глазу на глаз. Мне он поведаст то, во что менты просто не поверят, и расскажет, где находится тело вашего мужа. А потом мы вместе поедem к нему. К тому времени вы придете в себя, сейчас вы на ногах еле стоите.

Ольга села, сведя колени и разведя стопы в стороны, как мертвецки пьяная. Переварить услышанное ей было сложно. Игнат повторил:

– Я поговорю с бандитом, потом приеду к вам, и мы вместе заберем Маузера.

Оля улыбнулась, и на щеках залегли трогательные ямочки:

– Спасибо. А то спать не могу – галлю...цинации.

– Давайте я вас провожу.

Артюхов помог Ольге подняться и повел ее в палату, придерживая за плечи. Вторая и последняя кровать скрипнула, огромный холм, накрытый одеялом, про-басил:

– Я устала. Сколько можно шляться? То вопит, то шляется...

– Молчать! – рявкнул Артюхов.

На нем был белый халат – пациентка приняла его за врача и заткнулась. Ольга легла, счастливо улыбаясь, и попросила:

– Только сдержите обещание... Пожалуйста.

Артюхов кивнул, положил старенький телефон с сим-картой:

– Позвонишь мне. Мой номер в телефонной книге.

Дождавшись, пока девушка ляжет, он удалился. Ведь правда, Маузера можно попытаться достать из Зоны, если его тело живо, а это пятьдесят на пятьдесят. В случае благоприятного исхода, если Фрайб не умертвил тело, велика вероятность, что оно останется в состоянии овоща. Еще никто не проводил обрыв связей, в теории тело должно погибнуть, но так ли это на практике?

Сколько разных «если» – если Зона существует как самостоятельный мир, если тело Маузера живо... Короче говоря, только двадцать процентов, что удастся вернуть Игоря Коваля. Но сознание вцепилось в надежду хваткой умирающего бультерьера.

Остановившись у входной двери, он мысленно составил план: позвонить Рукастому, допросить Котова, калеными клещами вырвать, где тело Маузера и что с ним. Обернувшись и кивнув медсестре, он вышел из отделения. Отвернулся от сонного парня с фотоаппаратом, сидящего на стуле, направился к лифту. Журналист не узнал Артюхова в белом халате.

В холле, возле ресепшена с заснувшим прямо в кресле охранником, он набрал номер Рукастого, вслушался в длинные гудки. Наконец мент ответил усталым голосом, в котором сквозила обреченность:

– Ну, чего тебе опять нужно? В полчетвертого-то ночи?

– Допросить задержанного Котова. С глазу на глаз.

Долгоруков смолк – видимо, пытался спросонья вспомнить, что за Котов такой. Артюхов помог ему:

– С тем, что резал палец жене Коваля.

– А-а-а... Бесплезно. Он псих, несет околесицу. Завтра его в дурку переведут.

– Нет, к сожалению, он не псих, и мне нужно с ним побеседовать в интимной обстановке. Слышишь? Очень нужно. В долгу не останусь.

– Прямо сейчас? – вздохнул Рукастый.

– Если сейчас, денег будет больше.

– Ладно. Жди звонка.